
ПЛЮРАЛИЗМ И КОРПОРАТИВИЗМ В СССР И РОССИИ (общее и особенное)

С.П. Перегудов

Ключевые слова: советская политическая система, современная российская политическая система, плюрализм, корпоративизм.

То, что бывшая советская и нынешняя российская политические системы имеют много общего, — это настолько очевидная и общепризнанная данность, что ставить ее под сомнение не имеет смысла. Не менее очевиден и факт существенного расхождения двух систем, наличие в России институтов, которые в той или иной мере сродни институтам *западных демократий*.

Вопрос, однако, в том, как сказываются эти сходства и различия на состоянии российской политики и политической системы и как они могут повлиять на ее дальнейшее развитие. Попытка прояснить весь связанный с указанным “сожительством” и его эволюцией комплекс отношений, с точки зрения автора, окажется более успешной, если будут исследованы две основных модели политических отношений в СССР и в России, каковыми являются плюрализм и корпоративизм.

ПЛЮРАЛИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Впервые вопрос о плюрализме в СССР начал обсуждаться где-то с середины 1960-х годов, практически одновременно с признанием существования в стране “заинтересованных групп”, взаимодействующих как между собой, так и с государством. Разумеется, в силу существовавших тогда в СССР табу на само понятие “заинтересованные группы” и “плюрализм”, как, якобы, направленных на подрыв “единственно верного” классового подхода к изучению общественных отношений, исследования “групповой” и “плюралистической” проблематики в СССР могли появиться лишь в западной социологии и политологии. Тем более что тематика эта применительно к “западным демократиям” оказалась к тому времени основательно изученной [подробнее см. Перегудов 1995; 1997а], а попытка “советологов” и “кремленологов” прояснить уместность применения данных концепция к советской действительности диктовалась самой логикой их изысканий.

В опубликованной мною в 1994 г. в двух номерах журнала “Полис” статье [Перегудов 1994] была дана характеристика первых работ западных (преимущественно американских) советологов на эту тему, причем акцент был сделан на концепции так наз. “институционального плюрализма”, основным разработчиком которого явился Дж.Хог. Суть этой концепции сводилась к тому, что в основе политического взаимодействия в СССР лежит бюрократический конфликт, основными участниками которого являются специфические заинтересованные группы или комплексы, к которым он причислял прежде всего министерства, ведомства, военно-промышленный комплекс, под-

разделения аппарата ЦК КПСС. В плане взаимодействия друг с другом эти группы большей частью выступали как независимые, автономные и зачастую соперничавшие между собой образования, и это позволяло квалифицировать их взаимодействие как плюралистическое.

Некоторые западные и российские исследователи убедительно доказывают, что плюрализм, и прежде всего ведомственный, бюрократический, существовал и в годы сталинизма [см. Булдаков 2007: 68; Skilling 1971: 3-8]. Однако, это был весьма своеобразный, “подковерный” плюрализм, который не проявлялся сколько-нибудь открыто и не нарушал целостности утвердившейся в начале 1930-х годов административно-командной системы, идентифицированной уже в годы перестройки Г. Поповым [Попов 1987, 1988]. При всем его “теневом”, “нелегальном” характере плюрализм этот являлся органичной частью системы и в этом плане мало чем отличался от плюрализма, существовавшего в гитлеровской Германии и фашистской Италии [подробнее см. Перегудов 1994, № 2: 82-83].

Не удивительно, что, как только после смерти Сталина хватка тоталитарного режима ослабла, “подковерный” плюрализм не только стал обнаруживать себя в публичном пространстве, но и распространяться вширь, за пределы экономики. Этой своей открытостью новый, хрущевский бюрократический плюрализм коренным, качественным образом отличался от плюрализма сталинского, причем настолько, что стал в 1960-70-е годы органической частью режима. Тогда же западные советологи идентифицировали присутствие в СССР так наз. культурного плюрализма — отличавшихся друг от друга течений и групп в литературе, драматургии, изобразительном искусстве. Этот плюрализм, как известно многим читателям по личному опыту, существенно оживлял и разнообразил монотонность придерживающихся официальных канонов творческих объединений и их заполнявшей культурное поле деятельности.

Не ограничиваясь творческой интеллигенцией, культурный плюрализм охватил круги, близкие к власти, а отчасти и представителей самой власти. Опубликованные в начале 1990-х годов и позднее воспоминания А. Бовина, Ф. Бурлацкого и ряда других деятелей из окол властного экспертного сообщества красноречиво свидетельствуют не только об их интересе к “новаторам” от литературы и искусства, но и о той роли, которую они играли в деле их защиты от наскоков ортодоксов. Свою поддержку людям этого круга они, выражаясь словами А. Бовина, причисляли к разряду так наз. малых дел [Бовин 2003: 242], однако именно благодаря подобного рода защите им удавалось отстоять не только те или иные публикации и театральные постановки, но и сами театры и издания от почти неминуемого закрытия.

Впрочем, при всей идеологической зашоренности брежневского режима, даже увязшие в догматизме люди типа Суслова, Пономарева и иже с ними не могли не сознавать или, точнее, не чувствовать, что, навязывая обществу культурную “пищу”, возвращенную на идеологических штампах, они могут полностью омертвить интеллектуальную жизнь общества, что будет чревато весьма нежелательными последствиями.

Начавшее поднимать голову и все громче заявлять о себе диссидентство служило достаточно серьезным сигналом того, куда может пойти нерастратенный потенциал интеллектуально-культурной активности наиболее просвещенных слоев общества и чем это может обернуться для режима в целом.

Наряду с достаточно хорошо известным плюрализмом в сфере культуры существовал и значительно менее распространенный, но, тем не менее, далеко не второстепенный плюрализм в науке, и в том числе — общественной. Плюрализм этот заслуживает упоминания хотя бы потому, что и в наших СМИ, и в экспертном сообществе прочно утвердилось мнение, будто вся общественная наука в СССР функционировала в жестких рамках идеологических догм и что из нее было изгнано всякое творческое начало. Вразрез с этим мнением в опубликованных в 2008 г. дневниках бывшего зам. зав. Международным отделом ЦК КПСС А.С.Черняева довольно подробно говорится о тех зачастую далеко не бесплодных усилиях и его самого и его коллег-единомышленников по работе в ЦК КПСС в поддержку ученых, неугодных догматикам от науки. Усилиями этих людей, как это убедительно показано в дневниках, были спасены от разгрома исследователи, пытавшиеся реалистично оценить изменения, происходившие в социальной структуре общества и, в частности, интеллектуализацию рабочего класса и новую роль средних слоев. Начала объективно исследоваться деятельность социал-демократических партий, их общественно-политическая роль [Черняев 2008].

Плюрализм в области изучения общественно-политических процессов, правда большей частью — на зарубежном материале, оказался возможен и в “провинциальных” вузах. В качестве примера, уверен — далеко не единственного, можно сослаться на изыскания кафедры новой и новейшей истории Пермского государственного университета, возглавлявшейся известным ученым-англоведом Л.Кертманом, а затем его единомышленником П.Ракшмиром. Как мне уже приходилось писать в обзоре дневников А.С.Черняева [Перегудов 2010а], развитие постсоветской российской политологии (и отчасти социологии и истории) наверняка не было бы столь впечатляющим, если бы ему не предшествовали те наработки, которые были сделаны в тот нелегкий для нашего обществоведения период.

Сколько бы, однако, мы не старались вычленивать те или иные проявления плюрализма в общественной жизни СССР (а их было несравненно больше упомянутого мною), общий застой, ставший фоном этих проявлений (на характеристике которого в силу его очевидности я не останавливаюсь), заставляет нас констатировать, что плюрализм этот носил “периферийный” характер и лишь слегка размягчал, но никак не подрывал существующий режим.

В то же время этот плюрализм не оставался уделом части интеллигенции и научно-экспертного сообщества, но проникал в толщу общества, захватывая его наиболее склонную к активным действиям страту. Наиболее наглядно это стало проявляться в зарождавшемся экологическом движении, которое по мере создания групп и организаций, ставивших своей целью защиту окружающей среды, роста их активности стало обретать все более заметную политическую окраску. И в немалой степени этому способствовала развернувшаяся в тот период дискуссия по поводу проекта “поворота рек”, захватившая отнюдь не только научное сообщество.

Все более широкие масштабы принимало “пассивное диссидентство”, т.е. чтение и “кухонное” обсуждение все более широко распространявшихся нелегальных материалов, таких как “Хроника текущих событий”, репортажи “западных” радиостанций и т.п. Богатую пищу для размышлений давал доступ к так наз. спецхрану — для допущенных к нему исследователей и студентов профильных специальностей.

При всем том подспудном разномыслии и инакомыслии (подробнее об этих понятиях и о стоявшей за ними реальности в годы сталинизма и “хрущевской оттепели” см. [Фирсов 2008]) распространявшийся вглубь и вширь плюрализм, о котором идет речь, был ограничен не только в силу своей периферийности. Его главное ограничение состояло в другом: он не распространялся на сферу публичной политики, которая практически отсутствовала. Размягчение жесткого сталинского режима при Хрущеве, сохранявшееся в несколько урезанном виде и при Брежневе и Андропове, ни в малейшей степени не затронуло тех “табу”, которые накладывались на любые проявления политической активности и “самостоятельности”. Не только не допускались малейшие проявления политической оппозиционности, но на корню пресекались любые не санкционированные сверху инициативные действия, будь то индивидуальные или групповые, даже если они не расходились с “генеральной линией” партии и были нацелены на практическую реализацию “пролетарского интернационализма”, оживление рутинной комсомольской и партийной жизни [Перегудов 1994, № 2: 80-84].

Автор не разделяет распространенную в некоторых академических кругах точку зрения, в соответствии с которой в СССР поле публичной политики не только присутствовало, но и было практически безграничным, поскольку “государственная публичная политика публична по определению” [подробнее см. Перегудов 2006: 109-110]. Не буду углубляться в ведущие до сих пор дискуссии о том, что такое публичная политика вообще и в России — в частности, выскажу только свою точку зрения на сей предмет, в соответствии с которой поле публичности и публичной политики — это не поле тех или иных односторонних действий, но, прежде всего, пространство, на котором взаимодействуют различные общественно-политические силы и организации, включая, конечно же, и государство [там же]. Государственная политика лишь тогда заслуживает названия публичной, когда она реализуется институтами, сформированными при участии широкой публики (т.е. в результате демократических выборов) и является предметом непрерывно идущей общественной дискуссии (будь то в парламенте, партиях, других общественных организациях). Замечу, кстати, что именно в силу такого рода участия и открытости в западной политологии возобладала точка зрения, в соответствии с которой государственная политика “по определению” считается публичной.

Тот факт, что общество и общественные организации, включая и партийные, в Советском Союзе были с конца 1920-х — начала 1930-х годов и вплоть до первых лет горбачевской перестройки отлучены от какого-либо участия в конкурентном политическом взаимодействии, а само это взаимодействие практически отсутствовало, и привело к полной, *тотальной* деполитизации советского общества. Именно это обстоятельство позволяет утверждать, что вплоть до первых перестроечных лет политический режим носил *тоталитарный* характер. Разумеется, в силу отмеченной выше плюрализации, это не был тот махровый, охватывающий все основные стороны общественной жизни “сталинский” тоталитаризм, но основная, “родовая” черта такого режима, состоящая в полной, абсолютной монополизации партийно-государственной верхушкой сферы политики и политической деятельности, сохранялась. Причем сохранялась не просто по инерции, но с применением самого разнообразного и изощренного инструментария.

Застой в общественной жизни, явившийся прямым следствием тотальной деполитизации общества, отнюдь не был единственной особенностью режима “позднего социализма”. Он являлся органической частью всей системы общественных отношений, включая и отношения экономические. Как уже отмечалось в самом начале статьи, основные субъекты этих отношений взаимодействовали между собой также большей частью на принципах плюрализма. Это был, однако, совсем другой плюрализм, основанный в отличие от “культурного”, “научного” и им подобных нематериальных его проявлений, на бюрократических и корпоративных началах. С точки зрения политэкономической, это был так наз. административный рынок [подробнее см. Константинов, Найшуль 1986], однако главный “торг” в нем осуществлялся не по горизонтали, а по вертикали, т.е. между различного рода непосредственными производителями материальных благ, и прежде всего, крупными предприятиями и объединениями, с одной стороны, и теми властным институтами, которые стояли над ними, т.е. Политбюро, Совмином и Госпланом.

Такого рода “вертикальный торг” велся уже не “на равных”, здесь формировались совсем иные правила игры, относящиеся по своему характеру не к плюралистическому, а к принципиально иному, корпоративистскому взаимодействию. Причем роль этого взаимодействия в “эру Брежнева” была такова, что именно от него зависело функционирование “базовых” экономических и социальных отношений.

БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ КОРПОРАТИВИЗМ ПЕРИОДА ЗАСТОЯ

Вначале буквально в нескольких словах скажу о самой корпоративистской модели и корпоративизме как особом типе общественных отношений. В отличие от плюрализма, который предполагает отношения экономических субъектов с государством на началах независимости (в рамках закона, разумеется) и конкуренции, корпоративизм по самой своей сути — это система отношений, призванная обеспечить их тесную деловую интеграцию бизнеса и государства. В ходе этого взаимодействия происходит согласование позиций сторон и вырабатываются те или иные решения/рекомендации, обязательные для исполнения обеими сторонами. Слово “согласование” здесь ключевое, поскольку именно формы, характер и особенности этого согласования и определяют разновидности корпоративистских моделей, которые устанавливаются в зависимости от складывавшихся в тот или иной период обстоятельств.

Собственно, в самом общем плане политическая наука идентифицирует два основных вида корпоративистской модели — государственный и “социетальный”, или либеральный корпоративизм. Особенностью первого является доминирующая роль государства в процессе выработки и принятия согласованных решений, второго — преимущественно партнерские отношения, в процессе которых согласование осуществляется на равных или почти на равных и лишь окончательные решения принимаются высшей законодательной властью. Либеральный корпоративизм чаще всего именуют “неокорпоративизмом”, т.е. принципиально отличным от той госкорпоративистской модели, которая имела место в гитлеровской Германии, фашистской Италии и ряде других европейских стран до окончания Второй мировой войны.

В Советском Союзе 1960-х — 1970-х годов сформировалась модель, которую с точки зрения автора целесообразнее именовать не просто государственным, а *бюрократическим* корпоративизмом (подробное обоснование этого тезиса [см. Перегудов 1994, № 2: 76-87; Перегудов, Лапина, Семененко 1999: 60-69; Перегудов 1999]). К “бюрократическому” его следует отнести по причине соответствия правилам игры, по которым взаимодействовали между собой агенты советской экономики и вышестоящие партийно-государственные инстанции. Непременным этапом бюрократических согласований являлась последующая корректировка принимавшихся планов, как правило, в сторону уменьшения. Бюрократическим был и сам характер взаимодействия: погоня за “цифрой”, показушная отчетность, особая роль неформальных, основанных на взаимной выгоде доверительных отношений (пресловутый “блат”, “кумовство”, патрон-клиентские связи [подробнее см. Афанасьев 1997] и т.д., и т.п.). На все это накладывалась иерархически организованная дисциплина, номенклатурная система кадровых назначений, все то, что составляло костяк созданной при Сталине административно-командной системы. Утратив свой некогда самодовлеющий характер, система сохранилась как органическая основа бюрократического корпоративизма. Также как “культурный плюрализм” объективно выражал тенденцию приобщения безликого тоталитарного общества к процессам демократизации и становления гражданского общества, так и советский корпоративизм выявлял пробуждавшиеся в экономике импульсы к рынку и рыночным отношениям. Но внося некоторые элементы самостоятельности в деятельность предприятий, объединений и отраслей, он не способствовал развитию общества, а, напротив, порождал многочисленные хорошо известные сегодня негативные последствия.

Специфика бюрократического корпоративизма и проходившего в его рамках торга была такова, что его производной оказалось не общественное благо и не движение к нормальному, конкурентному рынку, а формирование корпоративных элит, стремившихся к реализации собственных, сугубо эгоистических интересов.

Одним из наиболее существенных последствий госкорпоративизма советского образца явилось *отчуждение* простого труженика от производства и экономики, резкое ослабление дисциплины труда и снижение его производительности. Идеологические и морально-этические стимулы переставали работать, а материальные начинали восприниматься как нечто “положенное”. Естественно, что в этих условиях все разговоры о научно-техническом процессе, о необходимости преодолеть становившееся все более очевидным технологическое отставание от стран Запада, повисали в воздухе. Отдельные прорывы в космонавтике и программах военно-промышленного комплекса достигались за счет стагнации других, “мирных” отраслей народного хозяйства и по сути дела создания на резко сузившейся основе своего рода “островов” развития.

В мирной экономике такого рода островом стало производство нефти и газа, которое можно было осуществлять на достигнутом в послевоенный период технологическом уровне и которое компенсировало снижавшуюся отдачу машиностроения и обрабатывающей промышленности в целом. Согласно публиковавшимся в годы перестройки данным, если в 1960 г. было добыто менее 150 млн. тонн нефти, то в середине 1980-х годов уже 600 млн. тонн. Еще

быстрее стала расти добыча газа, приблизившаяся к 1 триллиону тонн [цит. по Селюнин 1988: 197]. Именно в 1970-е — начале 1980-х годов были построены те нефтепроводы и газопроводы, по которым нефть и газ пошли в возрастающих объемах за рубеж и благодаря которым дряхлеющий режим смог еще некоторое время сохранять устойчивость.

Нельзя сказать, что власть имущие не сознавали опасностей становившейся все более очевидной стагнации и идеологического выхолащивания системы и не пытались как-то воспрепятствовать этому. Причем если в социокультурной сфере они “попустительствовали” пробивавшемуся “снизу” плюрализму, то в сфере экономики они пытались предпринимать и собственные усилия (преимущественно посредством многочисленных регулярно появлявшихся постановлений ЦК КПСС и Совмина о необходимости борьбы с бюрократизмом, ведомственностью, приписками, фактическим саботажем нововведений, упадком трудовой и плановой дисциплины, снижением производительности труда, ростом хищений и т.п. [подробнее см. Андреев 1989: 481-587]. Вместе с тем, даже судя по этим постановлениям, масштабы проблем лишь возрастали: о них вынуждена была писать и даже бить тревогу партийная печать. Но все оставалось по-старому: самой системе управления хозяйством, являвшейся продолжением политической системы, были органически присущи и бюрократизм, и ведомственность, и волокита, и неспособность реализовать даже минимальный объем мер по научно-техническому обновлению производства.

Как культурный и экономический плюрализм, так и бюрократический корпоративизм представляли собой подспудные “телодвижения” внутри системы, происходившие в результате своего рода саморазвития, которое пробиивалось в обществе и экономике. Это саморазвитие, однако, в силу его “периферийности” и бюрократической ограниченности не смогло начать трансформироваться ни в нормальный рынок, ни в нормальную демократию. Сама логика поздне тоталитарного застоя вынуждала и плюрализм, и корпоративизм вызревать и накапливать потенциал иного, “революционного” характера. Плюрализм все теснее сближался с диссидентством как западнического, так и “патриотического” направления, а в бюрократическом корпоративизме вызревали предпосылки для прорыва в “номенклатурный капитализм”. “Революция сверху” могла либо на какое-то время задержать неминуемый крах системы (что, собственно, и пытался сделать Ю.Андропов), либо, напротив, ускорить его, попытавшись открыть путь к “социалистическому рынку” и “социалистической демократии” (как это замышлял М.Горбачев).

Плюрализм в “постъельцинской” России¹

Современный российский плюрализм чисто внешне не имеет ничего общего с плюрализмом советским. На деле, однако, это не совсем так. Главное отли-

¹ Поскольку в задачу данной статьи не входит рассмотрение всей истории советского и российского плюрализма и корпоративизма, а лишь сопоставление двух интересующих нас периодов, автор считает целесообразным сделать своего рода “проскок” от эпохи Брежнев-Андропова к эпохе Путина-Медведева. О промежуточных этапах эволюции соответствующих “измов” см. вторую часть упомянутой выше статьи в “Полисе” [Перегудов 1994, № 5], а также статью “Новый российский корпоративизм — демократический или бюрократический?” [Перегудов 1997б].

чие нынешней его версии — наличие разнообразных форм *политического* плюрализма. На этом фоне и в значительной мере благодаря этому *плюрализм культурный* утратил свое прежнее значение “отдушины”, которую он играл в застойной общественной атмосфере. Но одновременно он стал оказывать исключительно серьезное влияние (и отнюдь не только позитивное) на нравственный климат в стране и на нравственное состояние общества и его отдельных групп. Более того, он стал во все большей мере определять манеру, стиль и содержание поведения как отдельных индивидов, так и больших общественных групп, и в первую очередь молодежи. Тем самым он в целом ряде случаев стал смыкаться с плюрализмом политическим, подпитывая и расширяя диапазон его распространения в обществе и оказывая существенное влияние на его характер.

Конечно же, в первую очередь нас здесь интересует плюрализм в партийно-политической сфере. Несмотря на чисто внешнюю схожесть с такого рода плюрализмом в системе партийно-политического представительства “западных демократий”, плюрализм этот отличается большим своеобразием, имеет преимущественно имитационный характер (о чем уже было много сказано и пересказано). Усилиями реальной власти партии здесь довольно строго ранжированы по четырем основным категориям — “партия власти”, “парламентские партии”, “непарламентские партии”, а также партии и организации “несистемной” оппозиции.

Такого рода ранжирование нацелено на то, чтобы партийная система и отдельные партии постоянно находились под контролем и, создавая видимость реального политического института, на деле либо служили послушной опорой режима, либо задвигались в политическое гетто. Решающая, ключевая роль в решении этих задач возложена на “партию власти”, т.е. “Единую Россию”.

В литературе нередко можно встретить практически диаметрально противоположные оценки роли и влияния “ЕР”. Одни авторы (и таких большинство) считают ее своего рода “приводным ремнем” власти, другие, напротив, склонны переоценивать ее место в политической системе, именуя (без кавычек) либо *партией власти*, либо *правлящей*. Как те, так и другие полагают, что ее главная функция — поддержание политической стабильности и сохранение нынешнего режима. И в этом они, безусловно, правы. Весь вопрос, однако, в том, что именно эту функцию она, в отличие от тоталитарных партий и партий представительной демократии не в состоянии сколько-нибудь длительное время выполнять. Превращение ее в реальную правящую партию тоталитарного типа невозможно в силу целого ряда причин, и прежде всего самого состояния общества. Любые попытки придать ей реальные властные функции и заставить играть по “тем” правилам могут лишь ее дискредитировать и иметь таким образом противоположный эффект.

Не менее опасны для нее и попытки играть роль “доминантной” партии типа послевоенных ЛДП (Япония), ХДП (Италия) и некоторых других, т.е. обеспечивать стабильность на демократический манер. Реальная представительная власть, которая принадлежала этим партиям, в случае, если бы “Единая Россия” решила идти по этому пути, тут же обернулась бы фатальным для нее конфликтом с той самой административно-бюрократической элитой, которой она служит и которая ни в коем случае не согласилась бы променять свой нынешний статус “суверенной” власти на статус власти подчиненной.

Остается единственный путь – поддержание созданного в первые годы президентства В.Путина статус-кво, либо маскируя его практически мало что меняющими “новациями” в области избирательной системы и партийного законодательства, либо теми или иными способами помогая ей “пригибать” оппозицию. На практике, как известно, обе эти “стратегии” часто совмещаются. Однако надежным средством решения поставленных задач ни та, ни другая не являются. В этих условиях выход искивается на путях подъема *общественной* роли партии, ее работы с населением, формирования ядра опытных пиарщиков и пропагандистов, создания новых дискуссионных площадок, активизации лояльных ей СМИ, региональных и местных организаций, и т.д. Она также стремится укрепить свое влияние, беря на себя некоторые функции, являющиеся по своей сути государственными, участвуя в формировании “кадрового резерва” госслужбы, выступая в качестве “советника” власти при назначениях на посты губернаторов, мэров и других должностных лиц, откликаясь на обращения граждан по поводу тех или иных проблем, возникающих у них при взаимодействии с исполнительной властью [подробнее см. Перегудов 2009а; 2009б].

В сочетании с упомянутыми выше “стратегиями” такого рода усилия способны на какое-то время “снять” проблему, однако решить ее надолго они не в состоянии. Ибо “ахиллесова пята” “Единой России”, ее “привязка” к существующей власти и зависимость от нее – сохраняются. Более того, любые попытки разыграть карту общественной организации могут иметь хоть какой-то успех лишь в условиях неизменности этой привязки и тех бенефиций, которые она дает основному костяку и части активистов этой партии. При отсутствии реальных властных полномочий подобного рода бенефиции действительны лишь до тех пор, пока сохраняется монополия партии в публичном пространстве. Не удивительно, что любые попытки нарушить эту монополию даже со стороны самой лояльной и самой ручной оппозиции ведут в этих условиях к казало бы ничем не оправданным “санкциям”.

Наиболее яркий пример такого рода – кампания по дискредитации спикера Совета Федерации С.Миронова после того, как он в начале февраля 2010 г. выступил с критикой ряда правительственных мер по борьбе с кризисом и заявил о своем несогласии с некоторыми действиями лидера “Единой России”, премьера В.Путина. В эту кампанию активно включились ряд политически ангажированных аналитиков. Одновременно стали звучать угрозы добиться от Санкт-Петербургского законодательного собрания, большинство в котором принадлежит “Единой России”, решения о лишении С.Миронова мандата члена Совета Федерации, а в самом Совете инициировать его отставку с поста председателя².

Несмотря на то, что среди аргументов внезапно активизировавшихся оппонентов С.Миронова преобладали в основном доводы либо “морального” свойства (“предательство”, “непорядочность” и т.п.), либо чисто формального плана (возглавлять представительный орган может лишь член фракции боль-

² Тексты многих статей и выступлений, число которых за 2-9 февраля 2010 г. приблизилось к шести десяткам, были помещены на официальном сайте “Единой России” над рубрикой “Наши оппоненты” (www.edinoros.ru).

шинства), в действительности подлинная причина поднятой кампании была совсем в другом. Интервью, в котором Миронов наиболее четко обозначил причины несогласия с правительством, “партией власти” и ее лидером, было расценено, и, возможно, справедливо, как попытка выйти из поля притяжения “доминирующей партии” и ее лидера и начать позиционировать и себя, и свою партию как находящихся в реальной, а не в показной оппозиции, каковыми они воспринимались и воспринимаются до сих пор. Казалось бы, такого рода выход вполне отвечал неоднократно постулировавшимся высшими лицами государства и их влиятельными советниками типа А.Суркова желательности и даже необходимости укрепить партийную систему, которая должна опираться не на одну, а на “две ноги”. Тем более, будучи тесно связанной с властью и весьма умеренной в своих политических предпочтениях, “Справедливая Россия”, казалось бы, наилучшим образом подходила на эту роль “второй ноги”. В самой “Единой России” одно время даже дебатировался вопрос о “раздвоении” этой партии с тем, чтобы получить таким неординарным способом “двухпартийную” систему.

Однако, одно дело — слова и благие пожелания, и совсем другое — их реализация. По сути дела создание второй партии или фракции, представляющей собой реального конкурента в борьбе за политическую власть, коренным образом, качественно меняет не только партийную, но и всю политическую систему страны.

Во-первых, наличие такой партии резко ослабляет административный ресурс “партии власти”, внося опасный для нее раскол в ряды ее сторонников как в политической элите страны, так и среди более низких категорий чиновников и бюрократии. Если при этом учесть, что далеко не все 100% политической элиты и чиновничества являются членами или сторонниками “партии власти”, а также тот факт, что после президентских выборов 2008 г. происходит заметная консолидация деловых и политических кругов, возлагающих определенные надежды на “возвышение” нового президента, вероятность глубокого раскола политической и деловой элиты и чиновничества как в центре, так и в регионах становится вполне реальной.

В этом случае создается реальная угроза утраты того влияния, которое “партия власти” несет и в государственные СМИ. Что же до Интернета, то здесь, учитывая его возрастающую роль в идейно-политической борьбе и изначально свойственный ему плюрализм, он вполне может стать одной из наиболее существенных опор реальной оппозиции.

Ощувив наличие в стране реальной политической конкуренции и свободы в целом, по иному в этом случае поведет себя и избиратель.

Впрочем, что касается поведения избирателя, то здесь складывается довольно парадоксальная ситуация. С одной стороны, по данным всех опросов, приверженность основной его части “партии власти” сохраняется и почти не претерпевает изменений, а рейтинги оппозиционных партий, включая и “парламентские”, остаются запредельно низкими. Порой это вызывает даже “недовольство” деятелей “Единой России”, у которой якобы не находится достойных конкурентов. Казалось бы, зачем тогда беспокоится, ведь “доминантное” положение партии указанными рейтингами обеспечено?

И здесь мы возвращаемся к разговору о плюрализме, от которого на какое-то время отвлеклись. Целый ряд событий и явлений последнего времени, о которых отчасти уже упоминалось и которые, что называется, на слуху у всех и каждого (стремление “парламентских” партий освободиться от навязанной им роли “нишевых”, “вспомогательных”, активизация оппозиционных “партии власти” партий и организаций на местном уровне, “брожение” в рядах политической и бизнес-элит России и в самой “Единой России”, вызывающее поведение “несистемной оппозиции”, рост протестных настроений и протестных акций) свидетельствует о том, что упорядоченный, подконтрольный власти и ее партии плюрализм, лежащий в основе режима Путина, начинает “микшировать” и испытывать если не кризис, то нечто подобное. В этих условиях и поведение избирателя на выборах уже не столь предсказуемо и управляемо. Хотелось бы напомнить, что нынешняя его пассивность и низкая оппозиционность — это отнюдь не традиционная российская “данность”, а результат ряда “уроков”, которые он получил еще в 1990-е годы, продолжал и продолжает получать в 2000-е. Первый из них был преподан в ходе президентских выборов в 1996 г., когда в результате сговора политической и бизнес-элит находящиеся в их руках телевидение и другие СМИ буквально продавили кандидатуру Ельцина. Как бы ни расценивать результаты выборов, фактом остается то, что избирателю дали понять — победит тот, кого предпочтет власть, от него же практически ничего не зависит.

Второй урок был дан в ходе думских выборов 1999 г., в период подготовки которых находившиеся под контролем Березовского и К° СМИ напропалую и беззастенчиво “мочили” Е.Примакова и Ю.Лужкова³, реально добивавшихся отстранения от власти так наз. *Семьи*. Выборы закончились, как известно, решительным поражением ее оппонентов. Возглавлявшаяся ими партия “Наш дом Россия” вскоре влилась в созданную в противовес ей партию “Единство”, породив партию “Единая Россия”, полностью подконтрольную федеральной власти и вновь избранному президенту Владимиру Путину.

Особенностью наступившего после выборов 1999–2000 гг. этапа партстроительства явилось то, что на место эпизодических, носивших чрезвычайный характер кампаний пришло методическое и целенаправленное выстраивание “партии власти”, которая, опираясь на реальную власть и будучи ее послушным орудием, получила возможность не допускать в принципе ситуаций, которые могли бы потребовать принятия “чрезвычайных” мер. Правда, для того, чтобы гарантировать такого рода эффективность, власти потребовалось осуществить еще одну немаловажную операцию, каковой явилось дело “ЮКОСа”. С помощью этого “дела” власть убивала сразу двух “зайцев”. Во-первых, снимался с дистанции человек, располагавший как интеллектуальным и общественно-политическим (“Открытая Россия”), так и материальным ресурсом. Во-вторых, результатом этого дела явилось выстраивание корпоративного бизнеса в “вертикаль власти”, отсечение его

³ Помню, как один мой хороший знакомый пчеловод, приехав по каким-то делам в Москву, с нескрываемым восторгом сказал: “А ты видел, какую бомбу взорвал Доренко и как он вывел на чистую воду эту парочку?” Не удивительно, что потрясая умы неискушенных россиян “бомба” не просто “накрыла” конкретную цель, но и положила начало новой стадии “партстроительства”, результатом которого и явилась нынешняя партийно-политическая система.

от потенциально эффективной оппозиции и превращение по сути дела если не в часть, то в весомый придаток административного ресурса той же “партии власти”.

Закономерным результатом всей прослеженной выше конструкции партийно-политического строительства и явился тот подконтрольный политический плюрализм, который в общих чертах был обрисован выше.

Как видно, пассивность избирателя, его неверие в оппозицию — дело если не целиком, то большей частью — “рукотворное”, и власть прекрасно осознает это. Ведь если рейтинги так быстро и легко менялись в прошлом, кто гарантирует, что эта смена не может столь же быстро пройти и в другом, противоположном направлении? В условиях нарастающей нестабильности поводом для такого поворота могут послужить самые разные обстоятельства, гадать о конкретных проявлениях которых нет смысла.

Главное, что следует из сказанного выше, так это то, что под внешним покровом стабильности и “управляемого плюрализма” назревают процессы, которые в какой-то момент могут “взорвать” ситуацию и смять, стереть управляемый плюрализм, отправив его на свалку истории.

ГОСКОРПОРАТИВИЗМ И “ВЕРТИКАЛЬ ВЛАСТИ”

Точно так же, как не оставался и не остается неизменным российский политический плюрализм, претерпевает существенную эволюцию и отечественный корпоративизм. Важнейшим фактором, предопределившим эту форму взаимосвязи власти и бизнеса, является особая роль государства, которое, вторгаясь в экономику, неизбежно вступает во взаимодействие с ключевыми ее субъектами, будь то госпредприятия и объединения или крупные корпорации. Причем эти последние вовсе не обязательно должны являться государственными.

Как известно, возвышение государства при В.Путине отнюдь не было одномоментным. Соответственно, корпоративные отношения формировались не сразу в том виде, в каком они обозначались к концу его второго президентского срока. Первые шаги власти в отношениях с корпоративным бизнесом были нацелены на разрушение той модели олигархического корпоративизма, которая сложилась с середины 1990-х годов [подробнее см. Перегудов 1999] и отличительной чертой которой являлись неформальные, доверительные отношения Ельцина с кучкой так наз. олигархов, завладевших наиболее ценными активами национального достояния.

Провозгласив принцип равноудаленности приобретших непомерную власть и влияние глав крупного бизнеса, Путин стал выстраивать с ними принципиально иную, преимущественно партнерскую систему отношений, чем-то напоминавшую неоконсервативную модель, утвердившуюся после второй мировой войны во многих странах Запада [см. Зудин 2002]. Однако создавшаяся к весне 2003 г. ситуация, при которой “равноудаленные” влиятельные бизнесмены стали вести собственную политическую игру, либо финансируя близкие им партии, либо выстраивая собственные каналы политического влияния (как это делал М.Ходорковский, создавший упомянутую выше “Открытую Россию”), вступила в явное противоречие с той “вертикализацией” власти, которую взял на вооружение новый президент.

Этой стратегии гораздо больше соответствовала модель государственного корпоративизма, в которой государство является уже не просто партнером, но ведущим игроком.

Особенностью формировавшегося с весны 2003 г. государственного корпоративизма явилась, однако, не просто доминирующая роль государства, но и отсутствие четких правил игры, которые позволяли бы обеим сторонам добиваться нацеленного на соблюдение общественного интереса согласования. Главным мотивом, главной задачей и даже самоцелью власти и возглавлявшего ее президента было, как уже упоминалось выше, встраивание отношений корпоративного бизнеса в так наз. вертикаль политического доминирования, которая не позволила бы этому бизнесу играть сколько-нибудь самостоятельную роль. Что касается проблем развития экономики и социальных отношений, то они оставались в лучшем случае на втором плане. Формирование механизма социально-экономического взаимодействия сторон было по сути дела приостановлено, а полномочия соответствующих консультативных учреждений, и до того не слишком четкие и определенные, стали урезаться. Наиболее наглядный пример этого — переформирование созданного в 2001 г. Совета по предпринимательству в Совет по конкурентоспособности с соответствующим сокращением его полномочий.

На уровне президента ставшие регулярными консультации с группой глав ведущих корпораций, большая часть которых входила в основной руководящий орган РСПП, практически прекратились и уступили место эпизодическим встречам президента с теми или иными из них на индивидуальном уровне.

Отсутствие сколько-нибудь определенных правил игры и законодательного закрепления прав собственности позволяло (и позволяет) власти осуществлять взаимодействие с крупным бизнесом в “ручном режиме”, добиваясь его участия в тех или иных проектах на собственных условиях, а зачастую и принуждая его к решению сугубо конкретных задач социально-экономического характера, преимущественно на региональном уровне.

Что же до стратегических задач, призванных покончить с зависимостью экономики страны от “трубы” и приступить к созданию современных производственных и инфраструктурных объектов, то этим всерьез не была озабочена ни власть, ни бизнес. Поставленные в жесткую политическую зависимость, лидеры большого бизнеса одновременно получили большую степень свободы для реализации собственных чисто корпоративных интересов, будь то внутри страны или за рубежом. В результате госкорпоративистская модель с самого начала обрела однобокий, сугубо политизированный характер, что отнюдь не способствовало оптимизации экономической активности бизнеса (подробнее о мотивах инновационной и инвестиционной апатии российского крупного бизнеса см. [Перегудов 2010б]).

На укрепление политического контроля над бизнесом были нацелены и меры по огосударствлению корпоративного сектора. Одновременно решались и сугубо экономические задачи, в первую очередь, — приобщение госбюрократии к собственности.

Как убедительно демонстрируют конкретные исследования специалистов, “госкапитализм” оказался еще в меньшей степени способным решать насущные задачи национального социально-экономического развития, чем капи-

тализм “частный” или “получастный”. Будучи встроенными в государственный корпоративизм образца 2000-х годов, обе эти формы капитализма стали порождать все более очевидные застойные явления в экономике, и не удивительно, что уже к выборам 2007-2008 гг. все более громче стали звучать призывы к модернизации, инвестициям. Вновь получил права гражданства термин “промышленная политика”.

Примечательно, однако, что “локомотивами” модернизации были призваны стать все те же госкорпорации, правда, на этот раз уже преобразованные в более самостоятельные, автономные образования. При их сравнительно небольшом количестве (“Ростехнологии”, “Росатом”, “Банк развития”, “Роснанотех”, “Фонд ЖКХ”, “Олимпстрой”) они сосредоточили в своем распоряжении те отрасли народного хозяйства и те производства, модернизация которых могла бы действительно придать новое качество не только этим отраслям, но и экономике в целом.

Хотя с момента создания большинства из них прошло всего 2-3 года, опыт их деятельности показал, что в своем нынешнем виде они не способны обеспечить не только “инновационный прорыв”, но и решение гораздо более скромных задач удержания существующих отраслей и производств “на плаву”. Не удивительно, что вынашивавшиеся в некоторых регионах планы распространения таких форм хозяйствования были положены под сукно, а в результате широкой общественной дискуссии возоблудала идея их превращения в обыкновенные акционерные общества (государственные и полугосударственные).

Тем самым было положено начало “размыванию” жестких госкорпоративных структур и госкорпоративизма как такового. Одним из значимых проявлений отхода от сверхполитизированной его модели стало возрастание роли упомянутых выше консультативных советов и им подобных структур как на уровне центрального правительства, так и на уровне министерств и ведомств (подробнее об этом см. Интернет-сайт “Координационные и совещательные советы при Правительстве”). Возросла роль главной организации российского бизнеса – РСПП и, в частности, его роль в Совете по конкурентоспособности и предпринимательству. Президент РСПП А. Шохин стал приглашаться на заседания правительства, получила права гражданства и начала реализовываться концепция государственно-частного партнерства. На региональном уровне продолжалась не прекращавшаяся ранее практика соглашений между администрациями регионов и городов и функционирующими на этих территориях кампаниями и корпорациями. В некоторых случаях “вертикальная модель” начинает вытесняться моделью социального партнерства (что опять-таки наиболее ошутимо проявляется на региональном и муниципальном уровнях). Сохраняется, однако, и “добровольно-принудительная” деятельность типа той, о которой говорилось выше.

Партнерский тип отношений между бизнесом и властью начинает, особенно после президентских выборов 2008 г., устанавливаться и на высшем политическом уровне, прежде всего во взаимодействии крупного бизнеса с новым президентом и его администрацией⁴. Однако в целом партнерская

⁴ Далеко не последнюю роль в этом взаимодействии играет Институт современного развития (ИНСОПР), Наблюдательный совет которого возглавляет Дмитрий Медведев.

модель остается на втором плане и скорее “дополняет”, нежели вытесняет модель госкорпоративистскую.

Главным, решающим фактором, обуславливавшим продолжающее доминирование этой модели, является даже не государственная собственность как таковая, а политическое бесправие бизнеса, которое и обуславливает неравновесность его отношений с властью во всем том формальном и неформальном взаимодействии, о котором шла речь выше.

ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИЛИ ОЧЕРЕДНОЙ ТУПИК

В свете всего сказанного попытаемся прояснить, что же есть общего в советской и российской политических моделях и чем они друг от друга отличаются. Если начать с *общего* в сфере политической, то оно, как это следует из нашего анализа советского и российского плюрализма, заключается в наличии как в том, так и в другом жесткого централистского стержня. Советский плюрализм ограничивал общественную самостоятельность запретом на самостоятельную политическую активность, российский ставит партийно-политическую активность в жесткие рамки властной вертикали. Как в том, так и в другом случаях тенденции к “размягчению” режима не меняли и не меняют их властоцентричной сущности.

В сфере экономических отношений общим для обоих режимов явился государственный корпоративизм, ставящий субъектов этих отношений под административно-бюрократический и политический контроль. Советский “бюрократический” и российский капиталистический рынки ограничивали и ограничивают предпринимательскую активность и инициативу либо рамками административно-командной системы, либо – властной вертикалью. Следствием тех и других ограничений является низкая экономическая эффективность и склонность к застою, неспособность к модернизации и “инновационная апатия”. Не менее значимым является и порождаемая экономической несвободой узкокорпоративная мотивация профессиональной деятельности управленцев и собственников, ставящая во главу угла их частные интересы в ущерб общественным.

Весьма существенны и особенности каждой из двух систем, на которых мы остановимся чуть подробнее.

Что касается советского и российского плюрализма, то главное отличие второго от первого заключается в том, что при всей его ограниченности современный российский плюрализм – это, прежде всего, плюрализм политический, т.е. такой, в рамках которого формируются и отчасти реализуются политические предпочтения различных общественных, административно-бюрократических и иных организаций и структур. Другой его особенностью является отсутствие той жесткой грани между “дозволенным” и “недозволенным”, которая существовала в Советском Союзе и делала практически невозможным выход за пределы этого “дозволенного”. Соответственно становится возможным расширение поля публичности, что в свою очередь создает принципиальную возможность преодоления “нишевых” ограничений оппозиционной деятельности и эволюции усеченного партийно-политического плюрализма в направлении плюрализма полноценного, функционирующего в рамках закона и им регулируемого. При всем том, доминирова-

ние властной вертикали над обществом и экономикой сохраняется, и именно оно остается основополагающим принципом существующего режима.

Практически в сфере корпоративных отношений мы наблюдаем тот же процесс увядания, “старения” модели, что и в сфере отношений плюралистических. Бросается в глаза, однако, определенная асимметричность в развитии указанных процессов, причем эта асимметричность еще более наглядно проявляется в поведении власти. Если размывание контролируемого плюрализма носит большей частью эпизодический характер, то эволюция госкорпоративных отношений в сторону отношений партнерского типа осуществляется более широким фронтом и практически имеет место на всех основных уровнях взаимодействия бизнеса и власти. Не в последнюю очередь такого рода асимметричность является результатом прямо противоположного отношения к указанным процессам со стороны властей. Если они весьма настойчиво, особенно не на словах, а на деле, препятствуют “подкопам” под властную вертикаль и ее политические опоры и основания, то неокорпоративистский крен в отношениях с бизнесом сплошь и рядом не просто находит у них поддержку, но и напрямую имплантируется ими в эти отношения. Это не ведет к качественным изменениям корпоративистской модели, однако, определенные предпосылки для такого рода изменений при этом создаются.

Учитывая объективные и субъективные факторы, лежащие в основе указанной диспропорции, можно предположить, что диспропорция эта, скорее всего, будет не уменьшаться, а возрастать. Отмеченный выше кризис госкорпоративистской модели и его негативные последствия для экономики стали настолько очевидными, что и власть, и бизнес уже не могут мириться с сохранением статус-кво. Тем более что в отличие от первых лет “эры Путина” опасения и страхи перед возможным прорывом бизнеса к власти если не исчезли совсем, то не играют уже решающей роли в их политическом поведении. Чего, конечно же, нельзя сказать о ее отношении к подкопам под “вертикаль” властную.

Одним из объективных факторов, побуждающих власти к переформатированию своих отношений с бизнесом, стали негативные последствия экономического кризиса. Кризис, как известно, “опустил” российскую экономику до уровня, сколько-нибудь длительное пребывание на котором чревато поистине катастрофическими последствиями. Не удивительно, что императив модернизации, долгое время постулировавшийся лишь словесно, стал в настоящее время для российской политической элиты приоритетом номер один. В этих условиях роль бизнеса становится поистине ключевой не только с экономической, но и с политической точек зрения. Растет и понимание того, что выполнить эту роль (или миссию) он может лишь в случае, если его отношения с государством обретут более равновесный характер и если одновременно ему будут даны гарантии беспрепятственной реализации своей предпринимательской деятельности. Такого рода гарантии становятся одновременно и условием привлечения в Россию зарубежных инвестиций, причем не спекулятивных и краткосрочных, а “капитальных” и долгосрочных.

Переформатирование российского корпоративизма и необходимые для этого правовые и политические действия и решения объективно выдвигаются, таким образом, на первый план. Такое переформатирование (разумеется, не на словах, а на деле) явилось бы одновременно и первым крупным шагом на

пути реализации полномасштабной политической реформы. Причем шагом, который создал бы более благоприятные условия для ее дальнейшего продвижения и сделал бы его менее конфликтным.

В отличие от бюрократического корпоративизма 1970-х – 1980-х годов, продемонстрировавшего неспособность “перейти” в эффективный рынок, нынешний госкорпоративизм и нынешняя экономика располагают несравненно большей мобильностью и способностью к переменам. Они не скованы государственной властью в той мере, в какой был скован административно-командной системой советский бюрократический рынок. Хотя современный госкорпоративизм несет в себе немало черт корпоративизма бюрократического, он представляет собой принципиально иное образование и с точки зрения отношений собственности, и с точки зрения отношений с властью. Иначе говоря, у него есть потенциал перехода к качественно иной системе отношений. Причем, как мы видели, этот потенциал, в той или иной мере востребован и обществом, и властью.

Сказанное вовсе не означает, что прописанный выше сценарий легко осуществим и обязательно реализуется на практике. Чтобы серьезные качественные изменения начались, и власть, и бизнес должны пойти на серьезные уступки друг другу. Власть должна гарантировать бизнесу правовые и политические условия, о которых упоминалось выше, а бизнес – поменять ориентацию с сиюминутных, краткосрочных выгод на долгосрочные, стратегические интересы (о том, какие для этого меры потребуются с его стороны, см. [Яковлев, Данилов, Симачев 2010]). Как пытался показать автор в одной из последних своих статей [Перегудов 2010б], пойти на такие встречные шаги и, возможно, оформить их в виде общественного договора власти и бизнесу будет непросто. Однако иного, более легкого пути оптимизации отношений двух основных субъектов экономических отношений просто не существует.

Нет нужды доказывать, что изложенные здесь соображения и выводы существенным образом расходятся с теми, которые делаются некоторыми представителями нашего экспертного и политического сообщества. Делая акцент на чисто политических аспектах общественного развития России, они либо явно, либо по умолчанию полагают, что политическая система страны так же или почти так же не реформируема, как и система доперестроечного СССР. Система эта, полагают они, вполне соответствует положенным в ее основу принципам, она приняла законченный вид и ни к какому переходу к качественно новому состоянию не способна. Отсюда – постоянно повторяющиеся тезисы о “новом смутном времени”, распаде страны и т.д. и т.п. Логика в этих рассуждениях и прогнозах, безусловно, есть, и при определенных обстоятельствах она вполне может реализоваться.

Автор, однако, полагает, и в этом заключается главный вывод из проделанного им анализа, что в отличие от корпоративно-плюралистической модели 1970-х – 1980-х годов, нынешняя российская модель не является по определению тупиковой. У нее есть потенциал развития в направлении нового корпоративизма и полноценного политического плюрализма. Однако реализация этого потенциала зависит от целого ряда обстоятельств, и далеко не в последнюю очередь от того, как поведут себя в предстоящий критический период политические верхи и верхи бизнеса. В одиночку и без опо-

ры на поддержку гражданского общества ни те, ни другие переломить ситуацию не смогут, даже если захотят.

Но многое зависит и от нашего экспертного сообщества, от тех “посылов”, которые исходят и будут исходить от него как в верхи, так и в “низы” общества.

Андреев С.Ю. 1989. Наше прошлое, настоящее и будущее: структура власти и задачи общества. — *Перестройка: гласность социализм. Постижение*. М., Прогресс.

Афанасьев А. 1997. *Клиентелизм и российская государственность*. М.

Бовин А. 2003. *XX век как жизнь. Воспоминания*. М.

Булдаков В.П. 2007. *Quo Vadis: кризис в России. Пути переосмысления*. М.: РОССПЭН.

Зудин А. 2002. Неокорпоративизм в России? Государство и бизнес при Владимире Путине. — *Pro et Contra*, № 1.

Константинов В., Найшуль В. 1986. *Технология планового управления*. М.

Перегудов С.П. 1994. Организованные интересы и государство: смена парадигм. — *Полис*, № 2, 5.

Перегудов С.П. 1995. Институты гражданского общества и государство. К итогам конгресса Международной ассоциации политических наук. — *Социс*, № 3.

Перегудов С.П. 1997а. Группы давления и корпоративизм. Категориальные аспекты проблемы. — *На путях политической трансформации*, вып. 8, ч. 1. М.

Перегудов С.П. 1997б. Новый российский корпоративизм: олигархический или демократический? — *Полис*, № 2.

Перегудов С.П. 2006. Публичная политика, власть и общество. — *МЭиМО*, № 7.

Перегудов С.П. 2009а. Политическая система России после выборов 2007-2008 гг. — *Полис*, № 2.

Перегудов С.П. 2009б. Партия власти как политическая опора режима. — *Государственное управление в XXI веке*. М.: ФГУ-МГУ.

Перегудов С.П. 2010а. Хроника летального исхода. — *Полис*, № 3.

Перегудов С.П. 2010б. Кризис корпоративной модели российского бизнеса. — *МЭиМО*, № 5.

Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семенов И.С. 1999. *Группы интересов и российское государство*. М.: УРСС.

Попов Г.Х. Об Административной системе. — *Наука и жизнь*, № 4, 1987; № 3, 1988.

Селюнин В. 1988. Реванш бюрократии. — *Иного не дано*. М.: Прогресс.

Фирсов Б.М. 2008. *Разномыслие в СССР. 1940-1969-е годы*. СПб.: Издательство Европейского университета в СПб., Европейский дом.

Черняев А.С. 2008. *Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972-1991 годы*. М.: РОССПЭН.

Яковлев А., Данилов А., Симачев Ю. 2010. Корпоративное управление после кризиса. В поисках новой модели. — *Ведомости*, 23.06.

Skilling H.G. (ed.) 1971. *Interest Groups in Soviet politics*. Princeton, New-Jersey.